

КАК-ТО УТРОМ Пелагея Николаевна собралась было пойти в лес по грибы.

Накинув на голову клетчатый платок, подалась к Марфе Тихоновне — своей постоянной слугице по лесным прогулкам. А та, услышав, куда зовет ее соседка, удивилась:

— Какие грибы, дорогая!? Немцы сейчас злощие: третий день нашего летчика ищут. Все дороги в лес перекрыли...

Потом спокойно произнесла: — Может, назавтра отложим?...

Дома, вешая платок на вбитый в стенку гвоздь, Пелагея Николаевна упрекала себя: «Как это я, старая, позабыть такое могла? Видно, склероз отшиб мою память».

Женщина бесцельно прошла по комнате, озабоченно поджав сухие синеватые губы.

Подойдя к столу, она тяжело опустилась на скамейку и стала вспоминать события того дня. После небольшого усилия она ясно представила себе, как под вечер хлопотала во дворе. И вдруг — резкий рывок низко летящего самолета. Женщины вскинула голову, но самолет уже стрекотал где-то за околицей села. А потом с неба посыпались белые бумажки. Легкий ветерок кружил их, осторожно опуская на землю.

Сельчане подбирали листовки. Прятали их в одежде. Торопливо хоронили в потайные места, чтобы потом их спокойно почитать.

И тут вечернюю тишину нарушил гундосый голос старосты Пантелей Велимаза:

— Не трожь антихристову грамоту! — Староста бегал из одного двора в другой.

Самолет еще раз пролетел над селом, оставляя за собой хвост белых листовок. И потом свернул в сторону леса. Вскоре в той стороне протрещала глухая дробь пулемета, и раздался взрыв.

Пелагея Николаевна торопливо перекрестилась и, спрятав на груди листовку, поспешно вошла в хату.

ПОЗДНО вечером, плотно завесив окна одеялами, она зажгла керосиновую лампу с лопнувшим стеклом. Керосину в ней было на самом доньшке. И потому она пользовалась лампой только в крайней нужде.

Расправив листок, принялась читать. Глаза плохо слушались, от напряжения слезились и болели. Однако она понимала, что наши остановили фашистов.

«Слава богу. — прошептала Пелагея Николаевна, — быют наши вражью силу...».

Радостная и счастливая, она легла в постель. А утром ревматизм скрутил ей ноги и руки. Так всегда у нее, когда портится погода. Она это знала, и в этот раз терпела, переносила муки, позабывшись...

Вспомнив сейчас все это, Пелагея Николаевна горестно произнесла: «Выходит, сбит наш истребитель и летчик жив,

иначе зачем бы его немцы в лесу искали...».

В голове старой женщины зашевелились мысли. Она почему-то вспомнила полученное ею перед самой войной письмо от дочери. Дочь писала, что Андрейка, ее внук, успешно окончил школу и сейчас учится в летном училище. Скоро он соколом будет в небе летать...

Вспомнив о письме, она принялась высчитывать, сколько же времени прошло с того дня, как она получила его. Выходит, что уже более года. Срок немалый. Видать, Андрейка уже летает...

И еще она вспомнила, что самолет пролетал почти над самым ее домом и, кажется, несколько раз покачал крыльями.

Тут память опять напомни-

ла. Подошли к широкой балке, по склонам которой поднимались высокие березы вперемежку с дубом и елью. Стало прохладно.

ПЕЛАГЕЯ Николаевна не искала грибы. Сняв с головы платок и расправив коротко подстриженные седые волосы, она торопливо шла по дну балки, напряженно всматриваясь вокруг. Всюду ей казалось, что за деревом лежит ее внук. И с каким-то нежным трепетом в душе она подходила к каждой сосне. Вдруг чуть в стороне она услышала слабый стон и хруст ветки. Женщина замерла.

— Пить... — едва разобрала она тихий голос.

Пелагея Николаевна с трудом разглядела на краешком густом дубе среди зеленых листьев человека. Он был в

ваздрогнула и плетью повисла над головой. Затем он качнулся и медленно стал сползать вниз...

ЖЕНЩИНА потеряла сознание. Очнувшись на сухих ветках под деревом. Возле нее, меняя мокрую тряпку на лбу, хлопотала Марфа Тихоновна. А чуть в стороне на траве, застеленной стареньким плащом Трифона Федоровича, лежал молодой офицер. Женщины обмыли его лицо, расчесали волосы. И он лежал, закрыв глаза, будто отдыхал перед очередным полетом.

— Бедненький! — услышала Пелагея Николаевна голос Ларисы Павловны. — Как он с такой раной на животе мог терпеть столько времени...

Неподалеку на небольшой полянке Трифон Федорович копал могилку. Земля была твер-

ПЕЛАГЕЯ НИКОЛАЕВНА

РАССКАЗ

ла ей, что года за три до войны дочь с сыном гостили в деревне. Андрейка тогда все кругом обошел, хорошо знал лес, речку...

В ЭТУ НОЧЬ Пелагея Николаевна не сомкнула глаз. Утром, как только взошло солнце, она постучалась в дверь к Марфе Тихоновне. Та не удивилась раннему приходу соседки и, быстро собравшись, вышла из дома. По пути к ним присоединились Лариса Павловна и безногий Трифон Федорович.

На краю села сельчан остановил Пантелей Велимаз. Сунув и без того малые, отлившие свинцом глазки, он каждого ощупал взглядом. Потом зло сплюнул в сторону и пропитым голосом изрек:

— По грибы, значит? Ну... — и, отвернувшись, засеменил в крайнюю хату, перекинув на ходу с кособокого левого плеча на правое немецкий автомат.

— Что это он не в духе? — нарушила молчание Лариса Павловна.

— Нашего летчика не поймал. Вот и злится... — ответил Трифон Федорович, поскрипывая протезом.

«Андрейку не нашли», — радостно повторила про себя Пелагея Николаевна. Морщины на ее лице разгладились, легкий румянец покрыл щеки, а возле губ светлясь улыбка. Она энергично перехватила с руки на руку небольшую корзинку и бодро шагала по дороге, не отставая от других.

Собираясь утром в лес, она положила на дно корзинки чистые тряпки, флакончик с тройным одеколоном, две кукурузные лепешки, бутылку с квасом.

На место пришли часа через три. Солнце уже высоко поднялось и начало заметно припе-

темно-синем комбинезоне, лицо — черное от дыма и гари. И лишь глаза, большие, светлые, с какой-то детской беззащитной откровенностью смотрели на нее. Чуть выше виднелись остатки парашюта.

— Мамаша, пить... — снова повторил он.

Сердце бабушки участливо забило. «Внук?» — Она засуетилась, уронила сумку.

— Родной!..

В это время ее кто-то грубо оттолкнул в сторону, и она упала. Пересилив боль в плече, Пелагея Николаевна приподнялась с земли и увидела стоящего возле нее Пантелея Велимаза.

— Вот он где! — визжал староста. Его птичье, худое, обросшее, лицо выражало одновременно и страх, и радость.

— Не зря я за вами увязался. Чувствовало нутро, что на добычу ведете...

Пантелей Велимаз еще сильнее затряс головой. Затем он вскинул автомат. Раздался глухой лязг затвора...

Пелагея Николаевна неожиданно проворно поднялась с земли и, вцепившись руками в холодное железо автомата, прижала его дуло к груди. Сурово сведя брови, с железной твердостью крикнула:

— Не смей, слышишь?! Не смей! Бога бойбось!

Стопанным кирзовым сапогом Велимаз пнул женщину в живот и пытался поднять автомат. Но в это время раздался глухой пистолетный выстрел. Староста как-то вдруг сник, выпустил из рук оружие, и, схватившись руками за горло, плашмя упал на землю.

Пелагея Николаевна обернулась на выстрел и к своему ужасу увидела, как сидящий на дереве летчик неестественно подался корпусом вперед. Глаза его расширились и застыли. Рука с пистолетом

дая, мешала корню. Но старый солдат с каким-то острым напряжением, без отдыха действовал ножом. Пот крупными каплями стекал по глубоким морщинам к подбородку и падал на землю. Сухим языком он слизывал свои губы и горько-соленый вкус их саднил его горло, туманил сознание.

С трудом подлившись на нетвердые, подламывающиеся ноги, Пелагея Николаевна шагнула к летчику. Минуту она молча смотрела на него и вдруг поняла, что это не Андрейка. У них одинаковый разрез глаз, сходные брови и продолговатый овал лица. Только вот у Андрейки на правой щеке, почти возле самого уха, небольшая родинка. Небольшая, темно-коричневая, с несколькими чуть заметными волосками. «А у него нет... Ошиблась, значит», — мысленно шептала Пелагея Николаевна и, тут же почувствовала, что подкашившееся к ее горлу щемящее чувство скорби не только не покидало, а все сильнее и сильнее охватывало ее.

ПОХОРОНИЛИ летчика под вечер, когда солнце уже спускалось к горизонту. На обратном пути шли молча. Пелагею Николаевну поочередно вели под руку. Она осунулась. Лицо ее густо покрылось морщинами, резко стали выделяться болезненные отеки под глазами.

Возле села Лариса Павловна, бережно ведя ее под руку, тихо сказала:

— Так жалко парня... Это, случаем, не внук ваш?

Пелагея Николаевна вдруг остановилась и, немного подумав, твердо ответила:

— У меня два, нет... много внуков...